

приятнях особым покровительством властей. Сами они эту власть всячески поддерживают. Григорий Никитников одалживал казне деньги для уплаты жалованья ратным людям (потом, правда, смело напоминает царю о возврате долга). Надея Светешников в одной из челобитных царю подчеркивает: «А идет в твою государеву казну с меня, холопа твоего, пошлина немалая».

В 1622 г. в Ярославле завершилось строительство церкви святого чудотворца Николы, построенной на средства Епифания Светешникова; один из приделов нового храма был посвящен небесному патрону царя Михаила Федоровича – Михаилу Малейну. Сам Михаил Федорович в знак расположения к заказчику храма подарил драгоценного шитья фелонь.

Купцы – «государевы гости» в период с 1613 по 1622 гг. тесно были связаны с финансовой службой Ярославского посада. Служба «гостей» по назначению царя заключалась в завоевании таможенными, кружечными дворами, царскою казною, казначеями. В 1617 г. Григорий Никитников именно как гость проводил сбор пятинных денег в Ярославле. Земский целовальник Кузьма Огарев жаловался царю, «что прожиточные люди сами корыстования, себе во всем льготы дали». Таким образом, деятельность «гостей» теснейшим образом была связана со сборами в царскую казну, должную пополниться, поэтому возможность взаимовыгодных сделок весьма вероятна.

Ярославское купечество достаточно тесно было связано с мастерами-серебряниками. Они проживали в тех же центральных районах города, входили в такое своеобразное объединение, как Серебряный ряд. В Перечневой описи 1630 г. мы находим этому подтверждение: «...в серебряном ряду было поллавки с получетью у гостя Василия Лыткина, полместа у гостя Григория Никитникова, поллавки у гостя Надеи Светешникова». Серебряный ряд – организация, объединявшая и мастеров-серебряников, работавших на продажу, и торговцев изделиями из драгметаллов. Те и другие давали поручные записи торговать согласно царским указам, чтобы серебро было не ниже указанных образцов. Но указы соблюдались не только мастерами и торговцами, но и самими старостами.

Здесь интересно обратиться к монетам особого ярославского чекана, о которых говорилось выше. Не могут ли эти монеты служить подтверждением именно откупного характера чеканки, когда по просьбе купцов денежники, несколько ухудшая пробу и вес монеты, извлекали для них дополнительную прибыль?

На возможность подобного рода откупной чеканки (правда, во времена Василия Шуйского) указывала в своей работе «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого» А.С. Мельникова. С темой откупной чеканки можно связать и один из интереснейших кладов XVII в. из фондов Ярославского музея. Найден он был в 1940 г. при строительных работах в районе средней школы №4 на улице Федора Волкова. Из земли было извлечено 18792 монеты – копейки. По тем временам это очень большое состояние. На эти деньги можно было купить, например, 280 десятин земли по нормам, определенным указом Михаила Федоровича в 1628 г.

Кто же мог закопать столь значительный клад и по какой причине?

Клад был найден неподалеку от Николо-Надеинской церкви, построенной на средства богатейшего ярославского купца, «гостя государевой сотни» Епифания Светешникова. Рядом с церковью находилась и усадьба купца. Логично предположить, что столь значительный клад мог быть сохранен им и является торговой выручкой, не успевшей войти в оборот. Известно, что к концу жизни благосостояние Светешникова пошатнулось, он задолжал казне крупную сумму денег и в 1646 г. был забит насмерть на правеже.

Интересно, что в этом кладе также было выявлено 32 монеты особого ярославского чекана (облегченные копейки). Отсюда возникает предположение, не была ли столь жестокая расправа с богатейшим ранее и привилегированным купцом решительным жестом уже нового царя, его стремлением покончить с правом откупной чеканки, полученным при Михаиле Федоровиче? Вот такую историю поведал нам самый значительный клад Ярославского музея.

Все приведенные выше сведения, на наш взгляд, подтверждают версию о существовании денежного двора в Ярославле и после ухода ополчения в Москву. Действовал он, вероятно, на правах откупной чеканки до конца 40-х гг. XVII в.



А.Г. Авдеев

## Кошель Калиты

*Есть в калите, так есть и на ките.*

Пословица

Если задать вопрос, за что московский князь Иван Данилович получил прозвище «Калита» – Кошель, любой ответит – за то, что-де носил он на поясе такую сумку, куда складывал деньги. Ну, а если спросить, а что это были за деньги, когда вплоть до 1380 г. Москва, как и любой город Руси, не чеканила своей монеты, ответ уже вызовет затруднения. И в самом деле, какие же деньги лежали в кошеле Калиты? Ответ на этот вопрос может дать только анализ всех сохранившихся источников – и письменных, и нумизматических.

Наверное, первым, кто зафиксировал легенду о происхождении прозвища Ивана Калиты, был архиепископ Ростовский Вассиан (Санин) – родной брат преподобного Иосифа Волоцкого – одного из виднейших иерархов Русской Церкви рубежа XV–XVI вв. В Житии преподобного Пафнутия Боровского он писал: «Нарицаху его Калитою, сего ради бе милостив zelo и ношаше при поясе калиту... и куда шествуя даяше нищим сколько вымется» [Житие. С. 36-37].

Итак, святитель Вассиан, как, впрочем, и любой человек русского Средневековья полагал, что прозвище «Калита» появилось у князя благодаря такому необходимому для праведной жизни и на том, и на этом свете качеству, как нищелюбие. «Бог попустил тебя иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяния, пьянство, пресыщение и предметы роскоши, но для того, чтобы уделал нуждающимся,» – предписывал великий учитель Церкви Иоанн Златоуст.

Нищелюбие не было приписано князю потомками. Так считали и современники Ивана Калиты. В записи на Сийском Евангелии (1339) отмечено, что он был «сырым в бедах помощник» [Столярова Л.В. С. 333]. Очень близкая по духу характеристика Ивана Калиты дается в Житии митрополита Петра, написанном митрополитом Киприаном в конце XIV – начале XV вв.: «Его же виде блаженный Петр въ православии сияюща и всякими добрыми делы украшена, милостива суща до нищих, честь подавающа святыимъ Божиимъ церквам и тех служителем, любощьтива к божественнымъ писаниемъ и послушателя святых учений книжныхъ» [Седова Р.А. С. 83]. Спустя шесть с половиной столетий потомки испытывали к Калите гораздо меньшую благодарность. В.О. Ключевский, вообще бывший невысокого мнения обо всех московских князьях XIV в., считал, что ироническое прозвище «Калита» «современники дали князюскопидому» [Ключевский В.О. С. 28].

С кошелем Ивана Калиты связаны два легендарных рассказа, сохранных древнерусскими книжниками. Один из них находится в сборнике, хранящемся в Отделе рукописей РНБ [Q.XVII. № 60]. Писанный полууставом второй половины XVI – начала XVII вв., он содержит различные произведения, в том числе летописный отрывок, в котором говорится о событиях, связанных с Новгородом Великим и Торжком. Издатель данного памятника В.Ф. Миллер полагал, что это – фрагмент церковной летописи, которая велась при храме Спаса-Преображения в Торжке [Миллер В.Ф. С. 250-251]. В нем говорилось, что в 6671 (1162/1163) г. сорок калик переходящих принесли из Иерусалима в Торжок чудесную чашу и отдали ее в Спасский храм с условием, что за этот вклад здесь будут кормиться 12 «притворян» – нищих. Когда же в 6837 (1328/1329) г. в Торжок прибыл Иван Калита и устроил там пир, 12 притворян явились к нему с этой чашей. Иван Калита, узнав о ее происхождении, благовождению возложил святыню себе на голову и спросил, чего от него хотят «в сию чашку вклада». И когда нищие сказали, что вознаграждение должен назначить сам князь, он подал им «гривну новую вклада» и разрешил каждое воскресенье получать от него две чаши пива и одну меда и еще три чаши пива у княжеских наместников [Миллер В.Ф. С. 242-243]. Итак, в качестве денег, находившихся в кошельке Калиты, источник называет «гривну новую» – серебряный слиток весом в 97,5 г. Упоминается в разбираемом источнике и золотая гривна, которую должны были получить притворяне в качестве штрафа в случае бесчестия.

В.Ф. Миллер совершенно справедливо указывал на родство сюжета этого рассказа с русской былинной о хождении «сорока калик со каликою» в «Ерусалим-град» и о соре их с князем Владимиром стольно-киевским. Упоминается здесь и чаша – «братынечка серебрена, из которой... князь с приезда пьет», в краже которой обвинили калик [Былины. С. 477]. Впоследствии неведомый рассказчик объединил этот сюжет с рассказом о милосердии Ивана Калиты, представляя себе князя «в облике эпического Владимира» [Миллер В.Ф. С. 247-248].

Что же в таком случае есть реальное в этой легенде? Во-первых, время и место действия, так как Иван Калита в 1329 г. действительно побывал в Торжке проездом, возвращаясь из похода на Псков [Борисов Н.С. С. 195]. Во-вторых, главная денежная единица того времени – «гривна новая». С XIII в. на территории Руси обращались гривны только одного вида – так называемые новгородские, по форме напоминающие прямоугольный брусок и весившие около 204 г [Котляр Н.Ф. С. 87]. Данный термин – синоним новой денежной единицы – полтины, появившейся на рубеже XIII–XIV вв. По весу она равнялась половине «старой» гривны. В северо-западных землях Руси, в том числе и в Торжке, где обращение полновесной гривны было делом привычным, ее половинная фрак-

ция именовалась новой гривной, а в Москве – рублем [Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. С. 67-68]. В те времена рубль являлся внушительной суммой денег. Достаточно сказать, что в 1389 г. ежегодная сумма золотоордынской дани, выплачиваемая всеми уделами Московского княжества составляла 5000 рублей [Каштанов С.М. С. 7]. Так что для рядового горожанина уплата даже одного рубля была если не запредельной, то весьма значительной суммой. Эта единица денежного счета названа и в духовной Калиты: «А что мое 100 руб. у Ески, а то роздаять по церквам» [ДДГ. М.-Л. С. 11]. Хочется особо подчеркнуть, что по тем временам 100 рублей составляли лишь небольшую и далеко не самую главную часть великокняжеского состояния. И тем не менее даже такая сумма свидетельствует о возросшем благосостоянии Москвы. Еще сто лет назад, в 1238 г. в составе княжеского имущества, укрытого во время татаро-монгольского нашествия, имелось всего три серебряные полновесные гривны [Наследие. С. 119-120].

Столь же реально и упоминаемая в рассказе чаша. В духовной грамоте (завещании) Ивана Калиты, составленной летом 1339 г., упоминается несколько золотых и серебряных чаш, которые он наряду с другими предметами отказывает своим сыновьям [ДДГ. М.-Л. С. 7-11]. Которая из них ранее принадлежала притворянам, установить невозможно, так как завещателя прежде всего интересовало не происхождение чаш, а их материальная ценность.

Таким образом, письменные источники бесспорно устанавливают один из возможных видов денежных единиц, находившихся в кошельке Калиты, серебряный слиток, гривну новую или рубль.

Вторая денежная единица упоминается Вассианом Саниным [Житие. С. 36-37]. Он называет ее сребреницей – серебряной монетой. Но и здесь рассказ, восходящий к преподобному Пафнутию Боровскому носит, по-видимому, полуполюбопытный характер. В нем говорится о некоей инокине, которая умерла во время эпидемии чумы 1427 г. (то есть через 102 года после вокняжения Ивана Калиты), а затем, воскреснув, поведала о том, кого из князей видела в раю, а кого – в аду. Согласно ее рассказу, князь находился в раю за нищелюбие. Рассказчица сама видела, как он трижды доставал из кошелька «сребреницы» – серебряные монеты – и подавал нищему. Значит, это был второй вид денежных единиц, находившихся в кошельке Калиты.

На первый взгляд, за достоверность этого рассказа поручиться нельзя, поскольку он исходит от человека, который воспринимал серебряные деньги как неприменную часть окружавшей его повседневности: Москва начала чеканить собственную монету после победы на Куликовом поле, и реалья, обычная для первой четверти XV в., вполне могла быть перенесена на время княжения Ивана Калиты.

Тем не менее и здесь, как кажется, причин для сомнений нет. При отсутствии чекана собственной монеты в Москве могли ходить серебряные золотоордынские дирхемы. Их обращение фиксируется не только находками отдельных монет во время археологических раскопок [Зайцев В.В. С. 15-16]. Гораздо большее значение имеют монетные клады, являющиеся своего рода слепком с денежного обращения в определенный момент времени. На территории Кремля было обнаружено два клада с золотоордынскими монетами. Первый, найденный в 1939 г., состоял из 91 монеты, принадлежащей чекану ханов Джанибека, Бердибека и Хизра (1344-1357 гг.) [Панова Т.Д. С. 72-73]. И хотя клад был сокрыт гораздо позже кончины Калиты, его появление вряд ли отражает ситуацию, нетипичную и для более раннего времени. Второй клад [Панова Т.Д. С. 72-73; Зайцев В.В. С. 15], обнаруженный в 1940 г. близ Спасской башни, содержал не только 98 золотоордынских монет, но и 8 слитков-полтин новгородского

типа, фиксируя их совместное обращение. К сожалению, в публикации не указано время чекана монет, и датировка этого важнейшего для анализаклада дана в пределах всего XIV в. Но именно он соответствует тем видам денежных единиц, которые могли находиться в кошелке Калиты. Очевидно, гривна была достаточно крупной денежной единицей, тогда как «серебренницы» играли роль мелкой разменной монеты.

Однако в вопросе об обращении золотоордынских монет на территории Московского княжества есть еще много неясностей. В науке сложилось мнение, что оно не было массовым, и что на Руси севернее Рязани монеты Золотой Орды встречаются крайне редко [Федоров-Давыдов Г.А. С. 141]. Об этом же, пожалуй, свидетельствует и то, что русские монеты исходили из весовой нормы гривны, а не дирхема [Федоров-Давыдов Г.А. С. 142-143]. Различной была и техника чеканки золотоордынских и русских монет. Да и сама ордынская дань платилась не серебряными монетами, а гривнами [Орешников А.В. С. 81. Прим. 3]. И все же на Руси заимствовали ставшие привычными золотоордынские наименования единиц денежного счета – алтын, деньга, пул. Создается впечатление, что на Руси дистанцирование от монетного дела Золотой Орды диктовалось не столько экономическими, сколько политическими причинами, ведь выпуск Москвой первых монет, начатый сразу после победы на Куликовом поле, в большей степени являлся декларацией ее возросшей политической мощи.

Теперь необходимо решить вопрос об основных источниках денежных поступлений в казну московского князя.

Первым и основным источником являлись налоги и пошлины. Так как полюдь, практиковавшееся на московских землях еще Юрием Долгоруким, уже ушло в прошлое, система налогообложения, впервые на московских землях введенная Калитой, была заимствована из Золотой Орды. Отныне в княжестве платили мыт – пошлину за проезд, пятно – налог с купли-продажи и обмена лошадей, тамгу – таможенную пошлину, осьмничее – восьмую часть доходов, торговые пошлины – гостинное, весчее, пудовое и др. Эти налоги составляли личный доход князя и назывались пошлинами.

Вторым источником были доходы от сбора ордынского «выхода» – дани. Право на ее сбор с русских земель Иван Калита получил после подавления Тверского восстания в 1327 г. Однако это вовсе не означало, что какая-то часть собранной дани «прилипала» к рукам предприимчивого князя. Дань в Золотую Орду именовалась *выходом* и не входила в число княжеских доходов. Ее собирали специальные люди – данщики. Иван Калита стал ханским откупщиком, который в назначенное время поставлял в Орду заранее оговоренную сумму дани, оставляя себе определенный ее процент в качестве награды. В Золотой Орде практика откупа дани была обычной. К сожалению, первые сведения об ордынской дани имеются только от 1375 г. [Каштанов С.М. С. 7], но, тем не менее, для нас очень важно, что ее размеры исчислялись в рублях – это еще раз показывает ведущую роль слитков-гривен в денежном обращении Московского княжества.

Третьим источником денежного металла, видимо, было «сребро закамское», уплату которого в качестве дани Иван Калита весной 1332 г. наложил на новгородцев. Так называли серебряные украшения из пермских святилищ, в больших количествах добываемые новгородцами [Даркевич В.П. С. 71-86]. На этот источник доходов мечтал наложить руку еще предшественник Калиты – князь Юрий Данилович [Серова Н. С. 68].

Четвертый источник так и назывался – «доходы». Их – в натуральном или денежном виде – давали великокняжеские земельные владения.

Таким образом, Ивану Калите удалось заложить основы не только полити-

ческого, но и финансового могущества Москвы. Богатства, накопленные им и его преемниками, стали основой, на которой начался чекан собственно московских монет.

#### Литература

1. Борисов Н.С. 1995. Иван Калита. М.
2. Былины. Библиотека русского фольклора. Т. 1. М., 1988.
3. Даркевич В.П. 1976. Аргонавты Средневековья. М.
4. Житие преп. Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. Изд. А.Кадлубовский. Нежин, 1898.
5. Зайцев В.В. 1998. Иностранные монеты XIII–XVII вв. из археологических раскопок в Москве // Нумизматический альманах. № 3.
6. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. 1975. Русская метрология. М.
7. Каштанов С.М. 1988. Финансы средневековой Руси. М.
8. Ключевский В.О. 1908. Курс русской истории. Т. II. М.
9. Котляр Н.Ф. 1996. Северорусские («черниговские») монетные гривны // Древнейшее государство Восточной Европ. 1994 г. Новое в нумизматике. М.
10. Миллер В.Ф. 1910. Очерки русской народной словесности. Былины. Т. II. М.
11. Наследие викингов. Диалог культур. М., 1996.
12. Орешников А.В. 1896. Русские монеты до 1547 г. // Исторический Музей им. Императора Александра III. Описание памятников. Вып. I. М.
13. Панова Т.Д. 1996. Клады Кремля. М.
14. Седова Р.А. 1993. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М.
15. Серова Н. 1990. Гений Москвы // Российский ежегодник–90. Вып. 2. М.
17. Стоярова Л.В. 1998. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М.
18. Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.

#### Список сокращений

- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.  
РНБ – Российская национальная библиотека

  
**И.И. Синчук**

## Денежный счет в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой

Неожиданно стали актуальными вопросы, казалось бы, академические. Один из них – денежный счет в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой. Ниже предпринята попытка беглого экскурса в историю денежного счета на белорусских землях. Причем представляется необходимым обратить внимание на то, что речь будет идти в первую очередь о счете и единицах счета, а не о денежном обращении либо средствах обеспечения денежного обращения Великого княжества Литовского и (с 1569) Речи Посполитой, денежное хозяйство которой было общим для федеративных частей – королевства Польского и Великого княжества Литовского. Необходимо также отметить, что целью статьи является не в коей мере не полемика с порожденными исторической беллетристикой и научно-популярной литературой ложными представлениями, объясняющими на бытовом уровне происхождение денежных названий и реалий денежного счета.

Основными ошибками являются отнесение истории денег Великого княжества Литовского и Речи Посполитой к истории денежного обращения королевства Польского и перенесение характеристик денежного обращения Великого княжества Московского, Российской империи на синхронное им денежное хо-